

МИГРАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ РЫНКА ТРУДА (ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

© 2014

Е.В. Козлова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социальные технологии»
Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону (Россия)

Д.С. Ушаков, доктор экономических наук
Международный колледж, Университет Суан Сунандха Раджабат, Бангкок (Таиланд)

Ключевые слова: миграция рабочей силы; миграционная политика; Китай; урбанизация.

Аннотация: С тех пор как Китай начал проводить экономические реформы, регулирование внутренней национальной миграции, прежде всего в направлении «сельская местность – город», стало центральным звеном как модернизации системы государственного управления, так и экономической и социологической науки страны. Несмотря на кажущиеся кардинальными различия социально-хозяйственных структур, механизмов функционирования государственного и корпоративного секторов, опыт китайских властей в реализации политики регулирования внутренних миграционных потоков, стимулирования производительности труда, демографического освоения огромных территорий, преодоления проблем старения населения может быть применен в российских условиях, особенно в свете углубления межгосударственных связей, роста взаимных миграционных потоков.

Основным достижением национальной миграционной политики Китая является ее преемственность, поэтапность, стратегическая ориентированность. В предложенной статье исследуются все основные этапы развития национальной миграционной политики страны: от полного запрета трудовой миграции из сельской местности в направлении городов, до введения гибкой системы национальных стандартов миграционного менеджмента.

В современных демографических и экономических условиях Китайская Народная Республика нуждается в изменении приоритетов национальной миграционной политики: от стратегии ограничения количественного роста предложения труда к поиску факторов его качественного прогресса. Как демонстрирует современная статистика страны, Китай уже нельзя назвать государством с неограниченным трудовым резервом (особенно в сфере сельского хозяйства), что резко актуализирует проблемы эффективного задействования имеющейся рабочей силы страны с учетом ее старения в средне- и долгосрочной перспективе.

В статье исследуются современные особенности внутренней трудовой миграции в Китае, анализируются исторические и современные формы реализации государственной миграционной политики, условия ее эффективности, а также возможности применения отдельных ее инструментов в деле модернизации и «эффективизации» отечественной миграционной и демографической политики.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ

Исследования внутренней трудовой миграции традиционны для экономической теории на протяжении последних десятилетий. Фундаментальные исследования П. Тодаро и его последователя Дж. Харриса [1] определили формирование двухсекторной модели, характеризующей зависимость динамики внутренней трудовой миграции от различия в величине заработной платы в сельской и городской местностях. Теоретический подход Харриса-Тодаро в дальнейшем был часто доказан результатами практических исследований, экспериментов и наблюдений [2], в том числе и в отношении трудового рынка Китайской Народной Республики.

Стоит отметить, что к особенностям регулирования и динамики процессов внутренней трудовой миграции в Китае относится существующая уже более 60 лет система хукоу, ставшая своеобразной основой и набором принципов регулирования процессов миграции китайцев из сельской местности в города. Система хукоу, официально зафиксированная китайским руководством в 60-х годах прошлого века, изначально не была ориентирована на регулирование миграции, а носила характер превентивной меры, направленной на привязывание крестьян к земле, логично могущего быть подорванным растущей индустриализацией и урбанизацией. Китай нуждался в дешевом продовольствии, следовательно, допустить массовый отток населения в города руководство страны не могло. Данный принцип в дальнейшем

реализовался в растущей сегрегации сельского и городского населения страны [3].

Среди основных мер регулирования и ограничения внутренней трудовой миграции китайское правительство определило «обобществление личной жизни» крестьян через их активное вовлечение в различные типы общественных работ (коммуны). Рост персональной зависимости крестьянина от коммуны (вплоть до существовавшей системы распределения еды) существенно ограничивал его в желаниях сменить место проживания, даже временно [4].

С началом экономических реформ в 1978 году резко возрастает социально-экономическое значение семьи, домохозяйства, тогда как регулятивные компетенции коммун стремительно сокращаются, даже в самых удаленных провинциях страны. Это ведет к росту мобильности сельского населения. С другой стороны, трудовую миграцию из сельской местности в города стимулирует рост спроса на рабочую силу в результате создания и развития специальных экономических зон и роста промышленного производства в городах. Одновременный рост предложения рабочей силы в деревне и спроса на труд мигрантов в городах угрожал росту неконтролируемой миграции со всеми вытекающими негативными для социально-экономического развития Китая последствиями. Это определило потребности реформирования системы хукоу (сначала в отдельных провинциях, в дальнейшем – на национальном уровне).

Согласно исследованиям Ф. Хуанга и Х. Пике [5] всю историю развития китайской системы регулирования внутренней трудовой миграции можно условно разбить на четыре временных периода. Изначально (1979–1983 гг.) правительство все еще старалось запрещать трудовую миграцию из сельской местности в города. Позднее (1984–1988) руководство стало разрешать китайскому крестьянину переезжать в город, но только при условии его полностью самостоятельного продовольственного обеспечения (за счет оставшихся в сельской местности родственников).

Даже не смотря на такие существенные ограничения, динамика внутренней трудовой миграции была настолько высокой, что уже к 1995 году китайские города столкнулись с проблемами безработицы, роста преступности и перенаселенности. Это стало причиной ужесточения государственной миграционной политики в стране в 1995–2002 годах. Наконец, с появлением финансовых и индустриальных возможностей в новом тысячелетии китайское правительство реализует политику регулирования внутренних миграционных потоков в направлении в настоящее время отсталых и экономически неразвитых провинций (запад и север страны), создавая там необходимую городскую и промышленную инфраструктуру.

Второй характеристикой современного (с 2000 года) этапа развития миграционной политики в Китае является модернизация правового обеспечения внутренней трудовой миграции. При этом большую активность в сфере совершенствования миграционной политики и миграционного законодательства проявляют администрации малых городов (что объяснимо возможностью наступления меньших негативных последствий в сравнении, например, с крупными китайскими мегаполисами или центрами провинций). К примеру, в провинциях Гилян, Хунань, Ляонинь, Гуандунг еще в 2001 году упростили набор требований к потенциальному трудовому мигранту (хукоу). Теперь для получения права на переезд в малый город он должен был просто предоставить документы о наличии места проживания, контракт о трудоустройстве и подтверждение легальности получаемых доходов (легальность нанимателя).

Одновременно в крупных городах и индустриально развитых провинциях происходит ужесточение миграционной политики, прежде всего за счет удорожания и усложнения процедуры легализации трудового мигранта (к примеру, в провинции Вухань мигранту необходимо получить идентификационную карту гражданина, идентификационную карту мигранта, разрешение на работу, разрешение на временное проживание, особую регистрационную карту и так далее, что занимает более трех месяцев для оформления и стоит сотни юаней [6]), а также за счет жесткого регулирования процесса найма мигрантов местными предприятиями и предпринимателями (в той же провинции Вухань около 77 % компаний платят специальные сборы за каждого трудоустроенного мигранта в размере 250 юаней в год).

Может показаться странным, но министерство труда КНР активно пропагандирует трудоустройство в крупных китайских городах среди сельских жителей (посредством развитой системы местных офисов и представительств). Однако, учитывая сложность, запутанность и высокую стоимость официального трудоу-

ройства в крупных городах, только 18 % всех внутренних мигрантов пользуются услугами государственной структуры.

Согласно вышеуказанному исследованию, стоимость рекрутинговых услуг министерства труда примерно 350 юаней, тогда как традиционные для стран третьего мира схемы трудоустройства через родственников в среднем обойдутся в 50–80 юаней (указанные суммы не включают стоимости процедуры легализации трудового мигранта).

ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ И ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В КИТАЕ

До 1979 года внутренняя трудовая миграция была объектом жесткого государственного планирования и контроля. Государство организует миграцию сельского населения в стремительно развивающиеся индустриальные центры. С 1979 года сельское население начало проявлять активный интерес к миграции (в силу существенных различия в уровне дохода и условиях жизни в крупных городах и сельской местности) вне планов партии и правительства.

В настоящее время не существует единой статистики относительно размера и темпов внутренней миграции в Китае. Отсутствует даже единое мнение относительно динамики миграции в стране. К примеру, Ф. Цай и М. Ванг [7] отмечают существенное сокращение внутренней миграции в Китае с 35 миллионов в 1990 году до 14 миллионов человек в 2009 году.

С другой стороны, многочисленные исследования подтверждают диаметрально противоположные явления. Так, А. Лорен и Я. Жао [8] приводят данные статистики, свидетельствующие об удвоении темпов внутренней трудовой миграции с 1989 по 2008 годы с 9 до 25 миллионов человек. Ж. Ли [8] оценивал миграцию в диапазоне 55–100 миллионов человек в год. Ф. Хуанг и Х. Пике [5] сообщали о 45 миллионах внутренних мигрантов в 1990 году и 70 миллионах в 2002 году.

Анализируя официальную статистику КНР за период 1980–2010 гг. (National bureau of statistic of China), можно вывести ряд закономерностей динамики сельского и городского населения страны.

Так, в абсолютных цифрах сельское население Китая стремительно росло вплоть до 1996 года, в период с 1980 года увеличилось на 65 млн. человек (до 860 млн.). Однако с 1996 года величина сельского населения начинает резко падать (в среднем на 8–11 миллионов человек в год). В 2003 году она соответствует показателю 1978 года, а в 2010 сократилась до 690 миллионов человек, что на 106 миллионов меньше, чем в 1979 году. Между тем, динамика доли сельского населения в общей структуре населения КНР носила постоянный отрицательный характер (относительная доля сельского населения в Китае сокращалась ежегодно на 1,5–2 %, упав с 82 % до 56 % за 33 года наблюдений).

Еще один интересный вывод, характеризующий сложность оценки внутренней миграции рабочей силы в Китае: несмотря на сокращение сельского населения в стране (с 1996 года), количество трудоспособных сельских жителей постоянно росло.

Так, в 1979 году величина трудоспособного сельского населения составляла 306 миллионов человек, в 1996 го-

ду – 450 миллионов, а в 2004 уже более полумиллиарда человек. Данный тренд – результат политики ограничения рождаемости (актуальной для Китая на протяжении последних 30 лет), в результате которой резко сократилось количество детей (следовательно, доля людей трудоспособного возраста возросла). Численность рабочей силы в сельской местности росла в силу взросления поколения, рожденного до 1979 года.

Безусловно, в ближайшем будущем количество трудоспособных селян в Китае начнет стремительно сокращаться из-за старения населения, и страна столкнется уже с нехваткой рабочей силы. Согласно официальной статистике КНР количество жителей сельской местности, трудоустроенных на предприятиях или работающих на предпринимателей из городов, также динамично растет (29 млн. человек в 1979, 130 млн. – в 2001, 152 млн. – в 2008 году).

Согласно оценкам Д. Ванга, Ю. Ву и Ф. Цая [2], 75 % внутренних мигрантов направляются в восточные провинции, 15,3 % – в западные провинции и только 9,8 % – в центральные. В целом внутренние мигранты в Китае более молодые и образованные, нежели их земляки, остающиеся дома. Ф. Хуанг и Х. Пике [5] отмечают, что только треть всех внутренних мигрантов – женщины (это легко объяснимо как традиционной ролью женщины на селе, так и более высоким спросом на мужской труд со стороны строительных компаний и индустриальных предприятий восточных провинций). Мигранты покидают сельскую местность в очень молодом возрасте (24 % мигрантов из сельской местности моложе 19 лет), мигранты из малых городов немного старше (26 % мигрантов из малых городов находятся в возрасте 21–26 лет).

Мигранты из городов также более образованы (35 % из них окончили колледж). В большинстве городов индустриального востока 60 % трудовых мигрантов проводит более полугодя, 44 % – более одного года. Д. Ванг, Ю. Ву и Ф. Цай [2] отмечают, что 36 % трудовых мигрантов заняты в промышленности, 20 % – в строительстве и 8 % – в сервисе. В силу действующей системы хукоу в Китае трудовому мигранту весьма сложно получить официальное трудоустройство, поэтому доля нелегального трудоустройства в стране ос-

тается на высоком уровне (по различным оценкам – до 35 %) (табл. 1).

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЧИН И ФАКТОРОВ ВНУТРЕННЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В КИТАЕ

Традиционно движущие силы миграции рассматриваются с позиции места отправления (push-факторы) и места назначения (pull-факторы).

Как основной push-фактор в Китае можно определить избыток трудовых ресурсов в сельской местности (что подтверждается хронической безработицей среди крестьян).

Основной же pull-фактор – существенная разница в доходах сельского и городского населения в Китае. Дифференциация в доходах сельского и городского населения незначительно сокращалась с 1979 по 1985 годы (с 3 до 2,2 раз разницы согласно национальной статистике КНР), однако в период с 1986 по 1998 годы снова резко выросла (до 3,7 раз разницы) в результате индустриальных инициатив правительства. В настоящее время имущественная дифференциация в доходах сельского и городского населения в Китае сохраняется на высоком уровне, хоть и сокращается ежегодно (рис. 1).

Помимо оценки традиционных push- и pull-факторов, можно также выделить и проанализировать значение экономико-социальных характеристик мигрантов в стимулировании процессов внутренней трудовой миграции в Китае. Чаще всего исследовалось влияние личных характеристик (возраст, пол, образование, семейное положение), а также материального положения (наличие земли в собственности, разрыв в уровне доходов, наличие иных фондов) на принятие решения о внутренней трудовой миграции (рис. 2).

Так Ф. Цай [10] определил, что такие показатели, как доля местного сельского населения в отношении к доле сельского населения по стране, а также количество земли на душу местного населения к аналогичному общенациональному показателю находятся в прямой связи с динамикой внутренней трудовой миграции (показатель обеспеченности землей на душу населения косвенно определяет излишек трудовых ресурсов в конкретных местностях). В дальнейшем влияние фактора количества земли, находящейся в собственности,

Таблица 1. Социально-экономическое положение внутренних трудовых мигрантов в Китае в сравнении с местными работниками [7]

	Местные работники	Мигранты	Местные работники	Мигранты
	Легальный сектор		Нелегальный сектор	
Рабочих часов в неделю	5,3	6,0	6,0	6,8
Рабочих часов в день	8,2	8,7	8,9	10,6
Заработная плата в месяц (юани)	1387	1247	1094	976
Доля работников, обладающих пенсионными накоплениями	82,1	29	55	2,1
Доля работников, обладающих страховкой от потери работы	39,7	17,8	12,6	0,4
Доля работников, обладающих страховкой от несчастных случаев на рабочем месте	29	31,7	6,0	1,2
Доля работников, обладающих медицинской страховкой	71,4	29,7	32,6	1,3

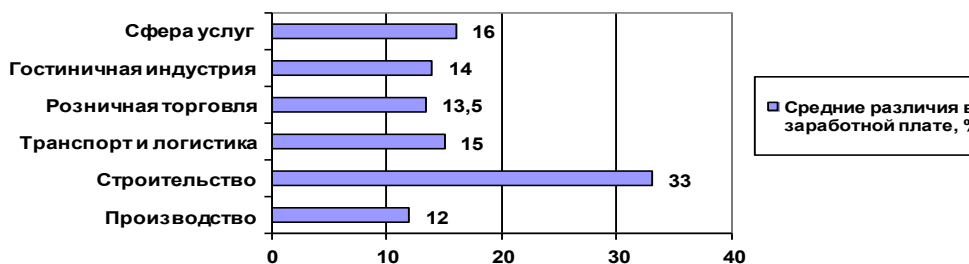

Рис. 1. Средние различия в заработной плате местных граждан и мигрантов с разбивкой по отраслям [9]

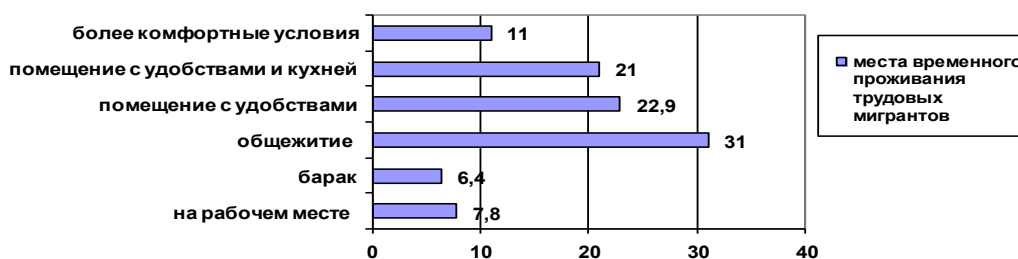

Рис. 2. Условия жизни трудовых мигрантов в Китае [9]

на принятие миграционного решения, исследовали Ю. Жао и Н. Жу, подтвердив экспериментально наличие обратной связи между этими показателями. Согласно Ю. Жао, каждый дополнительный му (мера измерения площади в Китае) земли, находящейся в собственности, снижает желание трудовой миграции индивида на 4,4 %, семьи (домохозяйства) – на 2,8 %.

Многочисленные исследования подтвердили также и прямую зависимость между величиной разрыва в оплате труда. Например, Н. Жу использовал показатель соотношения средней заработной платы в регионе к средней заработной плате по стране, а Д. Хэ в 2009 году провел исследование воздействия межотраслевого дисбаланса в величине заработной платы на динамику внутренней трудовой миграции в Китае [11], экспериментально подтвердив, что рост разрыва в величине заработных плат на 100 юаней увеличивает вероятность положительного миграционного решения на 2 %.

По итогам анализа корреляции возрастных характеристик и желания трудовой миграции, Н. Жу и Д. Хэ независимо друг от друга пришли к выводу, что наиболее подвержены миграции китайцы двух возрастных групп: 16–25 и 28–35 лет. В границах этого возрастного диапазона желание трудовой миграции плавно растет с ростом возраста потенциального мигранта. Тогда как после 36 лет желание трудовой миграции с ростом возраста потенциального переселенца сокращается (подтверждение П-образной кривой Харриса – Тодаро [1]).

Обратную зависимость между возрастом и желанием трудовой миграции (для мигрантов старше 36 лет), например, Ю. Жао теоретически обосновала более кратким сроком приобретения экономических преимуществ трудовой миграции для лиц более старшего возраста. Это автоматически делает трудовую миграцию экономически более привлекательной для граждан младше 35 лет. Одновременно Ю. Жао отрицала обратную связь между возрастом и желанием трудовой миграции китайцев младше 25 лет, связывая это с наличием большого количества семейных ограничений и личной неготовностью молодого человека к трудовой миграции.

Большое внимание в исследованиях Ю. Жао уделяется анализу взаимосвязи между уровнем образования и желанием трудовой миграции. Так, были сделаны интересные выводы о том, что в целом уровень образования оказывает незначительное воздействие на принятие миграционного решения. Однако при рассмотрении миграционных решений, связанных с переменной сферы приложения труда (от сельского хозяйства к промышленности или сфере услуг), роль образования как фактора миграционного решения возрастает многократно.

Д. Хэ рассматривал влияние образования на принятие миграционного решения в условиях домашнего хозяйства (а не личности) и эмпирически доказал обратную (!) связь между уровнем образования и желанием трудовой миграции. Как очевидно, это противоречит данным миграционной статистики Китая и объяснимо

лишь тем, что исследования Хэа проводились на заре 2000-х годов, когда внутренняя миграция высококвалифицированных кадров в Китае существенно уступала по своим количественным критериям миграции неквалифицированных граждан. Половая принадлежность и семейное положение также являются важными факторами принятия миграционного решения. Согласно исследованиям Ю. Жао, женщины в Китае в значительно меньшей степени подвержены желанию трудовой миграции. Так, факт рождения мальчика на 30 % увеличивает вероятность того, что в дальнейшем он станет трудовым мигрантом (это основывается на все еще сохраняющейся большой роли ручного, физического труда мигрантов).

Факт нахождения в браке сокращает вероятность трудовой миграции на 3 % (согласно исследования Ю. Жао) или даже на 10 % (исследование Д. Хэа). Семейный статус многократно увеличивает миграционные издержки (переезд, поиск жилья), что определяет меньшую (в среднем на 37 %) готовность семейных китайцев к трудовой миграции.

ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ: ПОЛЕЗНЫЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

В современных демографических и экономических условиях Китайская Народная республика нуждается в изменении приоритетов национальной миграционной политики: от стратегии ограничения количественного роста предложения труда к поиску факторов его качественного прогресса. Как демонстрирует современная статистика страны, Китай уже нельзя назвать государством с неограниченным трудовым резервом (особенно в сфере сельского хозяйства), что резко актуализирует проблемы эффективного задействования имеющейся рабочей силы страны с учетом ее старения в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Зарубежный опыт дает только один рецепт столь кардинальной смены миграционной парадигмы – стремительное наращивание производительности труда, прежде всего за счет квалификации трудовых ресурсов, потенциала человеческого капитала страны. Только эти меры позволят, во-первых, преодолеть предстоящие проблемы резкого удорожания физического труда в стране (в силу сокращения численности молодежи) и экономические издержки старения населения (неспособного более к физическому труду и способного быть хозяйственно полезным только как высококвалифицированные специалисты).

Несмотря на все достигнутые успехи, структура китайского общества такова, что способная к успешному обучению молодежь малочисленна (как результат политики по ограничению рождаемости, реализуемой в течение последних 30 лет). Одновременно стареющее население уже неспособно ни к обучению (чтобы продолжить собственную карьеру в промышленности или индустрии сервиса), ни к возвращению в деревню (сельское хозяйство).

В ближайшие 10–20 лет Китай столкнется с острой социальной проблемой экономической дифференциации. Зрелое поколение будет вытесняться (как в силу автоматизации производства, так и притока более квалифицированных молодых кадров), терять работу.

В условиях практически полного отсутствия пенсионной системы, равно как и последствий демографической политики «одна семья – один ребенок», представители зрелого поколения рискуют составить новую социальную группу китайской бедноты! Причем если ранее беднота в стране имела деревенское происхождение, то теперь это будут «городские бедные», в том числе и неспособные к фермерскому труду (возраст, городской образ жизни и так далее). Количество таких потенциальных бедняков ужасающе – больше чем все население Европейского Союза.

Китайские власти, понимая главные демографические угрозы предстоящих десятилетий, уже сегодня вкладывают гораздо больше средств в обучение (переобучение) взрослого населения (старше 40 лет), чем сельской молодежи. Уже сегодня система дополнительного образования (повышения квалификации) играет важнейшую роль в китайском обществе наряду с традиционными образовательными институтами. Первые положительные результаты уже достигнуты.

Так, если в 2004 году среди работающих мигрантов доля людей с высшим образованием составляла только 24 %, то в 2009 году эта величина достигла отметки в 36 % [12]. Помимо превентивных мер, направленных на преодоление негативных последствий демографической динамики страны, для России может быть приемлемым определенным китайский опыт разработки и реализации миграционной политики.

Прежде всего, это эффективность государственной системы реализации миграционной политики, ее гибкое реагирование на запросы бизнеса. Китайские власти изначально избрали крайне жесткую политику регулирования внутренней миграции (практически вплоть до запрета внутренней трудовой миграции), чтобы потом, следуя запросам бизнеса, обеспечивая комфортность условий его развития, частично смягчать ограничения и запреты, направляя и регулируя потоки внутренней трудовой миграции. При этом стоит отметить, что суровая система запретов и ограничений касалась только внутренней трудовой миграции, тогда как сфера китайской эмиграции (в особенности временной), а также возвращения этнических китайцев на родину оставались максимально либеральными.

Более того, китайские власти активно стимулировали отъезд одаренной молодежи на обучение и временное трудоустройство в инновационные корпорации США, Европы, Австралии и Канады на условиях дальнейшего возвращения специалиста на родину. Данные меры реализовывались за счет государственной системы грантов, стипендиальных программ, программ студенческих обменов, поощрения межвузовских контактов и так далее.

Стоит также отметить, что китайская миграционная политика имеет ярко выраженный отраслевой характер. По сути, внутренняя трудовая миграция ограничена десятком отраслей, в которых до настоящего момента сохраняется колоссальная потребность в физическом труде. Отраслевой характер миграционной политики страны, способный стать полезным в том числе и для России, позволяет, во-первых, сохранять заинтересованность бизнеса в росте производительности труда за счет новых технологий и инноваций (в случае нерегулируемой миграции такая заинтересованность бизнеса

практически исчезает, что актуально для современной России); во-вторых, поддерживать заинтересованность коренного населения в получении образования за счет гарантированного предоставления выпускникам и специалистам технологичных рабочих мест в собственном регионе; в-третьих, жестко регулировать внутреннюю трудовую миграцию и ее количественную динамику (что в любом случае необходимо для страны со столь огромным населением).

Наконец, полезным для России может стать также и китайский опыт экономического освоения отдельных отсталых территорий (Запад страны), основой реализации стратегий которого во многом выступает миграционная политика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Harris J.R., Michael P.T. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis // *American Economic Review*. 1970. № 1. P. 126–142.
- Wang D., Yaowu W., Fang C. Migration, unemployment, and urban labor market segregation in China's economic transition. Beijing: Institute of Population and Labor Economics, Chinese Academy of Social Sciences, 2003. P. 54.
- Cai D. The Convergence and Divergence of Regional Economic Growth in China – The Implications to Western Development Strategy // *Journal of Economic Research (Jingji Yanjiu)*. 2000. № 10. P. 16.
- Zhao Y. Labor Migration and Returns to Rural Education in China // *American Journal of Agricultural Economics*. 1997. № 1. P. 98.
- Internal Migration and the Development Nexus: The Case of Bangladesh // *The Regional Conference on Migration, Development and Pro-Poor Policy Choices in Asia*, June, 2003. Dhaka, 2003. P. 329.
- Knight J., Lina S., Huaibin J. Chinese Rural Migrants in Urban Enterprises: Three Perspectives // *Journal of Development Studies*. 2009. № 3. P. 73–104.
- Cai F., Du Y., Wang M. *How Far is China to A Labor Market*. Beijing: China Commerce Press, 2010. P. 198.
- Lin J., Fang C., Zhou L. *The China Miracle: development Strategy and Economic Reform*. Hong Kong: Chinese University Press, 2006. P. 38.
- Wang M. Changes of Discrimination against Migrant Workers in China's Urban Labor Market // *China Labor Economics*. 2007. Vol. 4. № 1. P. 1–16.
- Cai F. Irregular Employment and the Growth of the Labor Market: An Explanation of Employment Growth in China's Cities and Towns // *The Chinese Economy*. 2004. Vol. 37. № 2. P. 16–28.
- Hare D. «Push» versus «Pull» Factors in Migration Outflows and Returns: Determinants of Migration Status and Spell Duration among China's Rural Population. *Journal of Development Studies*, 2009, no. 3, pp. 45–72.
- Taylor J.E., Scott R., Alan de B. Migration and Incomes in Source Communities: A New Economics of Migration perspective from China. *Economic Development and Cultural Change*, 2005, vol. 52, no. 1, pp. 75–101.

REFERENCES

- Harris J.R., Michael P.T. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *American Economic Review*, 1970, no. 1, pp.126–142.
- Wang D., Yaowu W., Fang C. *Migration, unemployment, and urban labor market segregation in China's economic transition*. Beijing: Institute of Population and Labor Economics, Chinese Academy of Social Sciences, 2003, p. 54.
- Cai D. The Convergence and Divergence of Regional Economic Growth in China – The Implications to Western Development Strategy. *Journal of Economic Research (Jingji Yanjiu)*, 2000, no. 10, p. 16.
- Zhao Y. Labor Migration and Returns to Rural Education in China. *American Journal of Agricultural Economics*, 1997, no. 1, p. 98.
- Internal Migration and the Development Nexus: The Case of Bangladesh, *Paper presented at The Regional Conference on Migration, Development and Pro-Poor Policy Choices in Asia*, Dhaka, 2003, p. 329.
- Knight J., Lina S., Huaibin J. Chinese Rural Migrants in Urban Enterprises: Three Perspectives. *Journal of Development Studies*, 2009, no. 3, p. 73–104.
- Cai F., Du Y., Wang M. *How Far is China to A Labor Market*. Beijing: China Commerce Press, 2010, p. 198.
- Lin J., Fang C., Zhou L. *The China Miracle: development Strategy and Economic Reform*. Hong Kong: Chinese University Press, 2006, p. 38.
- Wang M. Changes of Discrimination against Migrant Workers in China's Urban Labor Market. *China Labor Economics*, 2007, vol. 4, no. 1, pp. 1–16.
- Cai F. Irregular Employment and the Growth of the Labor Market: An Explanation of Employment Growth in China's Cities and Towns. *The Chinese Economy*, 2004, vol. 37, no. 2, pp. 16–28.
- Hare D. «Push» versus «Pull» Factors in Migration Outflows and Returns: Determinants of Migration Status and Spell Duration among China's Rural Population. *Journal of Development Studies*, 2009, no. 3, pp. 45–72.
- Taylor J.E., Scott R., Alan de B. Migration and Incomes in Source Communities: A New Economics of Migration perspective from China. *Economic Development and Cultural Change*, 2005, vol. 52, no. 1, pp. 75–101.

**MIGRATION AND MIGRATION POLICY AS FACTORS OF LABOR MARKET'S DYNAMICS
(THE CASE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)**

© 2014

E.V. Kozlova, candidate of economic science, assistant professor of the Department «Social Technologies»

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

D.S. Ushakov, Doctor of economy

International College, Suan Sunandha Rajabhat University, Bangkok (Thailand)

Keywords: labor migration; migration policy; China; urbanization.

Annotation: Since government of the People's Republic of China started to effectively implement economic reforms, regulation of inner migration processes (most notably between rural and urban areas) has become a pillar both of national economy modernization and Chinese social and economic study. Despite obvious differences of Russian and Chinese social-economic structures and mechanisms of corporate and government establishments functioning, the experience accumulated by the Chinese government in controlling migration flows, stimulating labor productivity, settlement of vast territories and solving relevant problems of population aging can be actively used in Russia.

The main merits of the national migration policy in China are its continuity, phasing and strategic orientation. The present article examines all four main stages of the national migration policy development: from the total ban of rural-to-urban labor migration to the introduction of a flexible system of national standards for the migration management.

In the context of the present-day demographic and economic conditions the People's Republic of China has to change priorities of national migration policy: from the strategy of limiting a quantitative growth of the labor supply to the search for factors of its qualitative progress. As demonstrated by the modern statistics of the country, China can no longer be called a state with unlimited labor reserves (especially in agriculture). This dramatically puts into the forefront the problem of efficient usage of country's available labor force with regard to its aging in the medium and long term.

The present paper considers relevant features of the inner labor migration in China; it analyzes historical and modern forms of migration policy realization, conditions of its efficiency and opportunities of its implementation for modernization of Russia's migration and demography policy.